

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ ЕРОФЕЕВ

(1822—1884)

С. И. Романовский

Имя Василия Гавриловича Ерофеева, по праву принадлежащее к славной когорте русских геологов, долгие годы борющихся за организацию самостоятельного геологического учреждения, оказалось незаслуженно забытым.

Причина, возможно, в том, что научное его наследие как по числу написанных работ, так и по масштабам затрагиваемых там вопросов скромно даже по меркам тех лет и теряется на фоне выдающихся достижений его современников — Р. Мурчисона, Г. П. Гельмерсена, Г. В. Абиха и др. Даже в работах того времени редко можно встретить ссылки на его немногочисленные статьи. Но при жизни В. Г. Ерофеева авторитет его был высок, а имя глубоко уважаемо, и прежде всего — как талантливого педагога. Не оставив после себя ни одной сколько-нибудь крупной работы по палеонтологии, знатком которой был, он неустанно прививал студентам любовь к этой науке, особенно к «раковинной палеонтологии» {по выражению В. О. Ковалевского), расшифровке и интерпретации загадочных биологических объектов — проблематик. Именно В. Г. Ерофееву, своему любимому учителю по Горному институту, обязан А. П. Карпинский увлечением проблематиками, в дальнейшем выдвинувшим его в число крупнейших специалистов в этой области.

Но этим не исчерпываются его заслуги. Находясь в числе тех «первых», чьими стараниями Россия обрела наконец самостоятельную геологическую службу, В. Г. Ерофеев, сам не ведя геологической съемки, глубоко понимал ее значение и приложил массу усилий к тому, чтобы геологическая картография стала главным направлением деятельности Геологического комитета. А став его директором в самые первые, а потому и самые трудные, годы его существования, сделал все, чтобы малочисленная группа первых его сотрудников сплотилась в тесный рабочий коллектив, дал верную научную ориентацию этому коллективу и сумел создать в нем тот благоприятный психологический климат, который еще долгие годы сохранялся в нем и с гордостью именовался «комитетским».

Создать, даже в конспективном виде, научную биографию Василия Гавриловича оказалось непростой задачей, поскольку о нем не сохранилось почти никаких сведений — ни печатных, ни рукописных, ни устных. Несколько скромных некрологов и небольших заметок научного характера, написанных самим В. Г. Ерофеевым, — вот и все, чем можно было располагать. Поэтому пришлось просмотреть большое число «Дел», хранящихся в архивах — Центральном Государственном историческом (в дальнейшем — ЦГИА), где находятся фонды Горного департамента и Геологического комитета, и Государственном историческом архиве Ленинградской области (далее — ГИАЛО),

сохраняющем обширный фонд документов Петербургского горного института. Так по крупницам и воссоздавались облик и жизнь В. Г. Ерофеева.

Родился Василий Гаврилович в 1822 г. (число и месяц остаются неизвестными) в семье помещика Черниговской губернии. Вероятно, он рано лишился родителей, ибо уже с 7-летнего возраста находился на попечении старшего брата, Семена Гавриловича Ерофеева, служившего в Петербурге при «Главном штабе Его Императорского Величества, в департаменте уделов». Когда Василию исполнилось 8 лет, Семен Гаврилович решил отдать младшего брата в закрытое горнотехническое учебное заведение — Горный кадетский корпус, и 7 августа 1830 г. подает об этом прошение в «Комитет Корпуса горных инженеров», выражая желание определить его «своекоштным пансионером» и обязуясь исправно вносить деньги за обучение «до окончания в Корпусе курса наук»¹. Так Василий Ерофеев становится воспитанником этого старейшего в России специализированного высшего учебного заведения.

Через четыре года, 9 ноября 1834 г., когда младший брат закончил начальные кадетские классы, старшему, по правилам того времени, пришлось писать особую расписку на случай, если Василия Ерофеева вдруг «выставят» из заведения. Вот ее текст: «Обязуюсь принять на свое попечение из Горного института воспитанника оного, Василия Ерофеева, буде он подвергнется исключению или высылке из заведения. И в случае отбытия моего из С.-Петербурга представить на место меня другую особу, или предварить институт завременно, не менее трех месяцев до моего отъезда».² К счастью, расписка не понадобилась ни разу на протяжении 12-летнего пребывания воспитанника в этом учебном заведении.

Учился В. Г. Ерофеев в самые беспокойные для института годы — годы непрерывных преобразований. Он поступал в Горный кадетский корпус, когда тот был закрытым учебным заведением военного образца, по там значительное время уделялось и изучению основных и вспомогательных горногеологических дисциплин. С обычными кадетскими корпусами это заведение роднила только военная форма его воспитанников. Ведь еще в 1806 г. Горный корпус был приравнен к университетам. Однако в 1833 г. его переименовывают в Горный институт, хотя все изданные еще для Корпуса постановления и инструкции остались в силе, лишь воспитанников двух старших классов стали именовать студентами и разрешили им не носить традиционную для Корпуса военную форму. Правда, самого Василия Ерофеева эти преобразования тогда не коснулись — он обучался еще в младших классах. Не прошло и года, как новое преобразование: Институту опять возвращают его военную структуру, причем по личному указанию Николая I. Горный институт стал Институтом корпуса горных инженеров, а его выпускникам, помимо звания горного инженера, вновь присваивают военный чин:

¹ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 6484, л. 3.

² Там же, л. 11.

*Василий Гаврилович Ерофеев,
вторая половина 60-х годов прошлого столетия.*

поручика или подпоручика (в зависимости от успеваемости). Ввели утомительную военную муштру и телесные наказания, а время на приготовления к разводам и парадом стало превышать часы, отводимые для занятий.

Все воспитанники были разделены на роты, и каждый ротный командир имел специальную «шнуровую книгу», куда заносились все проступки и наказания их подопечных «без изъятия». Вот какими записями пестрели эти «шнуровые книги»: 6 февраля 1841 г. «кадет Александр Моисеев за упорную леность в пауках наказан телесно десятью розгами». 15 розгами за грубость ротному командиру майору Аврашову и капитану Дмитриеву «наказали воспитанника первого кондукторского класса Леонида Поредгкого»¹. Экзекуции проводились в большом рекреационном зале в присутствии всех воспитанников и директора Института, длинного, сухощавого и желчного Карла Карловича Вейценбрейра, которого кадеты и кондуктора боялись пуще телесных наказаний.

Учиться в те годы было трудно: военные занятия, отнимавшие много сил, предельно уплотненный распорядок дня не оставляли времени на изуче-

¹ Там же, д. 4715, л. 3 и 7.

ние основных предметов. В 7 часов был подъем, в 8 — завтрак, до 9 — повторение уроков в ротах, с 9 до 12 — занятия в классах, с 12 до 14 ч 30 мин — военные упражнения в ротах, до 16 ч — обед и отдых, с 16 до 19 — вновь занятия в классах, до 20 ч 45 мин — отдых и уроки, в 21 — ужин и в 22 — отбой. Очевидно, такой режим оставил о себе дурную память, ибо Василий Гаврилович, став в 1861 г. инспектором классов, в одном из первых своих рапортов доказал необходимость изменения распорядка дня воспитанников, к чему прислушались, и с 18 июля 1861 г. ввели иной, более свободный режим¹.

Единственно, с чем по-настоящему повезло В. Г. Ерофееву в Институте корпуса горных инженеров, так это с преподавательским составом. Весь цикл горно-геологических дисциплин и даже некоторые общеобразовательные предметы вели крупнейшие ученые того времени, что, разумеется, не могло не сказаться на уровне образования воспитанников. Так, геологию Василий Ерофеев изучал на лекциях Д. И. Соколова, а с 1840 г. — Г. П. Гельмерсена; минералогию читали В. В. Нефедьев и А. Д. Озерский; петромагнетику (т. е. палеонтологию) — Э. И. Эйхвальд и Я. Г. Зембницкий; горное искусство — Г. А. Иосса; химию — академик Г. И. Гесс; математику — академик В. Я. Буняковский. Знания, заложенные этими учеными, были основательными и прочными.

9 июня 1842 г. в возрасте 20 лет В. Г. Ерофеев заканчивает обучение с чином поручика и званием горного инженера и, положив в нагрудный карман офицерского кителя направление на работу в Кольвановоскресенские заводы на Алтае, вместе с семьей старшего брата уезжает на отдых. Но на место назначения он так и не прибыл, поскольку принял приглашение работать в родном Институте на скромной должности репетитора по палеонтологии. С 25 сентября 1842 г. он приступает к ней. В обязанности В. Г. Ерофеева входила подготовка иллюстративного материала к лекциям по палеонтологии, черпать который он мог в собраниях знаменитого уже тогда «Музеума» при Институте. Надо сказать, что в первые десятилетия существования Музея в основном обогащались его минералогические коллекции и в гораздо меньшей степени — палеонтологические. А когда взялись восполнять этот пробел, то за короткое время в Музее скопились многие сотни уникальных экземпляров фауны разного возраста из многих районов Европы. Образцы эти были не только не разложены, но в значительной своей части и не определены. Систематизация палеонтологического собрания Музея и стала основным занятием молодого репетитора. Заведовал Музеем академик Г. П. Гельмерсен, который и привлек к этому делу своего бывшего ученика.

В. Г. Ерофеев с головой ушел в эту первую самостоятельную исследовательскую работу. Трудился не покладая рук, с утра до вечера. Семейой он еще не обзавелся, жил тут же при институте, и ему доставлял истинное наслаждение каждый лишний час, проведенный за лотками с фауной.

¹ ЦГИЛ, ф. 44, оп. 3, д. 332.

В 1845 г. Р. И. Мурчисон издал в Англии «Геогностическую карту Европейской России», которая в течение нескольких лет была основным учебным пособием при занятиях геологией. Василию Гавриловичу пришла в голову счастливая идея — воссоединить геологическую нагрузку карты с палеонтологической иллюстрацией отдельных систем. Заказав множество однотипных дощечек, он раскрасил их в цвета карты Р. И. Мурчисона, на каждую прикрепил соответствующий экземпляр фауны, и получились великолепные наглядные пособия: то, что раньше воспитанникам приходилось буквально зазубривать, теперь давалось без особого труда. Такой способ органичного соединения палеонтологии и геологической карты В. Г. Ерофеев практиковал и в дальнейшем, когда уже сам приступил к чтению лекций по палеонтологии. Правда, он существенно усовершенствовал свою первоначальную методику, составив весьма наглядные определительные таблицы для фауны всех стратиграфических периодов. Они были опубликованы в русском переводе «Геологии России» Мурчисона, Верпейля и Кейзерлштага, Студенты (да и профессионалы) пользовались ими долгие годы. Основой этих таблиц служили все то же палеонтологические собрания Горного музея, работу в котором Василий Гаврилович не оставлял во все время своей службы на педагогическом поприще. В середине 60-х годов ему активно помогал в этом деле воспитанник старших классов

Института А. П. Карпинский, до конца своих дней сохранявший литографированный курс своего учителя «Ископаемые моллюски», изданный еще в 1856 г., которым и сам постоянно пользовался при чтении лекций по исторической геологии¹.

В 1847 г. помощник директора Горного института по учебной части, совмещавший еще и заведование Музеем, Г. П. Гельмерсен решает отправить В. Г. Ерофеева за границу для совершенствования знаний в палеонтологии. В своем рапорте на имя директора института, П. П. Шрейдера, он отметил, что его помощник «приобрел весьма полные практические сведения по части палеонтологии», а для освоения биологических основ этой науки требуется прослушать лекции в старейших университетах Западной Европы, а также «осмотреть лучшие палеонтологические и геогностические собрания в Германии, Франции и Англии». Уже тогда Г. П. Гельмерсен был твердо убежден и том, что все основные кафедры Горного института должны нанимать его выпускники, горные инженеры, которые, подчиняясь Штабу корпуса горных инженеров, не могли без согласия последнего покинуть стены института, и в рапорте своем не скрывает этого. «Палеонтология, — пишет Григорий . Петрович, — преподается в Горном институте не горным инженером, но человеком, посторонним для Горного ведомства (выпускник Университета, — С. Р.), профессором Эйхвальдом, которого обстоятельства могут принудить оставить это заведение по всякое время»². В те годы это был веский аргумент,

¹ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛЮААН), э: 265, оп. 7, д. 24.

² ГИАЛО, ф. 963, GU. 1, д. 4853, л. 1.

но тем не менее (по не известным нам причинам) Василий Гаврилович за границу не поехал.

Лишь 12 августа 1852 г. он отправляется в свое первое заграничное турне по Германии, Франции и Англии сразу на полтора года. Он слушает лекции Эли де Вомона, Д'Орбиньи и Вернейля, осматривает в музеях богатейшие геологические и палеонтологические собрания, выезжает на летние экскурсии с местными геологами, читает новейшие сочинения по палеонтологии, стратиграфии и геологии. В Петербург он возвращается 20 октября 1854 г., с двумя громоздкими ящиками, наполненными окаменелостями и книгами. Привезенная им фауна обогатила коллекции Музея Горного института. Так будет и в последующие годы: все свои личные сборы он всегда будет передавать в дорогой его сердцу Музей, о чем будет просить и своих учеников. Вернувшись из-за границы, В. Г. Ерофеев приступает к чтению лекций по палеонтологии, которое не прекращает до конца 1873 г., года своего не объяснимого для нас ухода из Горного института. В 1861 г. его назначают инспектором классов, т. е. проректором по учебной работе, как бы сказали сейчас. Время было сложное. В России назревала первая революционная ситуация. Явное противоречие между быстро развивающимся капиталистическим способом производства и архаичным социальным укладом вынуждает царское правительство пойти на отмену крепостного права.

В начале 60-х годов в России был проведен ряд других прогрессивных реформ, в частности в области образования: введены ученые степени, с 1863 г. вступил в силу новый университетский устав, предоставивший русским университетам относительную автономию. Институт корпуса горных инженеров, который все эти годы был закрытым военизированным учебным заведением, также приступил к разработке нового устава института, по которому он должен был стать открытым учебным заведением. Однако чиновники Министерства финансов всячески тормозили эти начинания. Вынашивались даже проекты превратить Институт в среднюю техническую школу, где должны были изучать механику, металлургию и горное искусство, а все остальные науки, ив том числе геологию, предполагалось оставить за университетами. «Горячим противником такого проекта, — сообщает автор теплого некролога о В. Г. Ерофееве, подписавшийся инициалами «А. Д.», — явился бывший тогда Председателем Департамента экономии Государственного Совета Константин Владимирович Чевкин, а материал для его возражений в значительной степени был составлен Василием Гавриловичем. Таким образом, труду и энергии этих двух лиц Горный институт обязан тем, что он не низведен на степень второразрядного учебного заведения» (А. Д., 1885, с. 162). Новый устав вошел в силу в 1866 г., и эту дату историографы Горного института считают не менее знаменательной, чем 1773 г. — год образования этого высшего учебного заведения.

6 августа 1864 г. Василий Гаврилович вновь выезжает в заграничную командировку на три месяца. Посещает Германию, Францию, Бельгию и Англию с целью «собираания сведений о началах преподавания, принятых за

границею, в высших учебных заведениях по горной части»¹. Он уже полковник, и в помощники ему назначают штабс-капитана Н. А. Юргенса. В отсутствие В. Г. Ерофеева обязанности инспектора классов выполняет большой его приятель П. В. Еремеев, с которым Василий Гаврилович делится своими впечатлениями о постановке геологического образования, в других странах. 31 августа 1864 г. он пишет П. В. Еремееву из Германии: «... Не вдаваясь в подробности организаций здешних школ (высших— С. Я.), я скажу только, что здесь огромное внимание обращено на опрашивание учеников. Каждый ученик из каждого предмета бывает спрошен непременно раз в две недели, и это продолжается от вступления в школу до выхода из нее. Ученики бывают в школе и на лекциях в Университете от 8 до 10 часов ежедневно, строгость отметки баллов и требование исполнений внутренних постановлений Школы совершенно непостижимы для наших либералов. Строгость отметки баллов уже для нас не совсем понятная: де Консинн говорил мне, что в течение 20 лет его профессорства только 2 или 3 ученика получили из читаемого им предмета полные баллы»² (выделено В. Г. Ерофеевым, — С. Р.).

Как видим, Василий Гаврилович вникает во все детали постановки высшего горнотехнического образования за границей, стремясь перенять то ценное, что послужило бы на пользу образовательному процессу в Горном институте, и старается убедить своих коллег отойти от старых, сложившихся еще во времена Горного кадетского корпуса, форм обучения. В собственный читаемый им курс палеонтологии он внес много нового и интересного именно с позиций формы обучения, которую и раньше стремился совершенствовать. Вспомним о его оригинальном способе соединения палеонтологии с геологической картой, о его детальных и легкодоступных определительных таблицах и, наконец, о его прекрасном учебнике палеонтологии («Ископаемые моллюски»), который долгие годы «был не только единственным пособием для учащейся молодежи, но служил руководством и многим инженерам во время их практической деятельности» (А. Д., 1885, с. 161).

Студенты очень любили этого требовательного к доброму профессора, принципиального в делах и мягкого в обращении человека. Многим студентам, как- свидетелствует А. Д., он оказывал «не только нравственную, но и материальную поддержку. Поэтому, когда неожиданно для всех 17 июня 1873 г. Василий Гаврилович покидает родной ему Горный институт, многие искренние слезы были пролиты студентами, вдруг почувствовавшими, что они как бы осиротели» (А. Д., 1885, с. 162). В. А. Полетика, однокашник Василия Гавриловича по Горному корпусу, закончивший его в 1841 г., скажет впоследствии: «Наш великий поэт любил называть Царское Село своим отечеством. С большим еще правом мог бы ты сказать, что отечество твое — Горный Корпус, а человечество сосредоточивается для тебя в учащейся здесь молодежи» (там же, с. 162—163). Вспомним, что с Горным институтом В. Г. Ерофеев не расставался с 8-летнего возраста, т. е. он был для него родным

¹ Там же, д. 5079, л. 1.

² ЦГИА, ф. 58, оп. 2, д. 1014, л. 6.

домом непрерывно в течение 43 лет. И вот он вынужден уйти из него. Знавшие его близко отмечали, что это «неблагоприятно повлияло па его здоровье».

Что же могло произойти? Что заставило В. Г. Ерофеева после 30 лет службы вдруг столь резко отойти от любимого им дела? Достоверно ответить на этот вопрос мы не в состоянии и сегодня. Возможно, что у него возник конфликт с новым директором Горного института Н. И. Кокшаровым, назначенным на этот пост в 1872 г. Предположение это достаточно основательно, так как у них уже в ту пору наметились серьезные расхождения во взглядах на организацию в России первого государственного геологического учреждения. И на этой почве, как это нередко случается, вероятно, были испорчены и личные взаимоотношения. Возможно, Н. И. Кокшаров предложил В. Г. Ерофееву подать в отставку, тем более что тот уже выслужил положенный для пенсии стаж.

Однако Василий Гаврилович не уходит «на покой», а становится чиновником особых поручений Горного ведомства и выполняет (по его заданию) разовые геологические изыскания, выясняя перспективы па отдельные виды полезных ископаемых Самарской, Симбирской, Казанской, Новгородской, Черниговской и Екатеринославской губерний. Он пересматривает возраст «туркестанских слоев», отнеся их к юре, тогда как со времени работ Э. И. Эйхвальда их считали каменноугольными. Позднее это подтвердили исследования Г. Д. Романовского. В 1877 г. Василий Гаврилович оценивает перспективы на нефть некоторых приволжских губерний ж дает отрицательное заключение.¹ В 1879 г. он посещает Боровичский уезд Новгородской губернии с целью оценки перспектив Боровичского угольного месторождения и дает заключение, что уголь «хотя и весьма посредственный, но годен ко многим техническим употреблениам»². Главный же практический результат этого периода деятельности В. Г. Ерофеева состоял в удивительно верном его прогнозе месторождения каменной соли в районе г. Бахмута (ныне Артемовск). Он даже указал точное место бурения разведочных скважин (близ дер. Брянцевки), вскрывших богатую залежь каменной соли. Это «дало начало развитию обширной и совершенно новой отрасли горной промышленности в Южной России, где таковую никогда и не ожидали встретить», — напишет впоследствии А. П. Карпинский³.

1 марта 1881 г. народовольцы после целой серии неудачных покушений убивают Александра II. В стране наступил период жесточайших репрессий, которые не обошли и высшие учебные заведения. Только за то, что в группе Андрея Желябова, совершившей покушение, оказался студент-горняк, с поста директора Горного института снимают академика Н. И. Кокшарова. На его место 24 августа 1881 г. назначают В. Г. Ерофеева. Так Василий Гаврилович возвращается в родной для него институт.

¹ Горный журнал, 1878, т. II, с. 60—71.

² Там же, 1880, т. III, с. 131.

³ Изв. Геол. ком., 1884, т. III, № 8, с. 71—74.

Вероятнее всего, он не обрадовался столь почетному и ответственному посту, если учесть время, в какое это произошло. Но согласия В. Г. Ерофеева не спрашивали — его назначили на новую должность, как направляют военных на новое место службы. Напомним, что в те годы горные инженеры, подчинявшиеся Штабу корпуса горных инженеров, имели воинские чины (В. Г. Ерофеев был полковником, Н. И. Кокшаров — генерал-майором, а Г. П. Гельмерсен — даже генерал-лейтенантом), служба их во многом напоминала военную, прежде всего, в беспрекословном выполнении приказов командования.

Так или иначе, но В. Г. Ерофеев принимает дела от Н. И. Кокшарова и со свойственными ему спокойствием и деловитостью начинает входить в курс сложного и многопланового своего «хозяйства». Не знал он, что пройдет всего год, и он станет «дважды директором», возглавив еще и Геологический комитет.

Однако вернемся, на десятилетие назад и рассмотрим более обстоятельно ту грань деятельности В. Г. Ерофеева, которая оказалась наиболее яркой и плодотворной — его исключительную роль в деле организации в России первого государственного геологического учреждения — Геологического комитета, а вместе с ним и геологической службы страны.

Создание геологической службы объективно связано с переходом страны на капиталистический путь развития: интенсивно развивающаяся промышленность требует непрерывного прироста сырьевых ресурсов, обеспечить который усилиями добровольных научных обществ и геологов университетов невозможно. Первой из европейских стран на капиталистические рельсы встала Великобритания и она же первой организовала у себя государственную геологическую службу (Geological Survey). Произошло это еще в 1832 г. Затем геологическая служба создается в Австрии (1849 г.), Канаде (1853 г.), Франции (1855 г.), Швеции (1858 г.), Италии (1868 г.), Венгрии (1872), Германии (1873 г.), а в России — лишь в 1882 г., хотя объективно это должно было произойти еще в 60-е годы. Причина такой задержки была характерной для России той поры: чиновнично-бюрократический аппарат царизма препятствовал любым прогрессивным начинаниям. Почти в течение 20 лет он глушил и инициативу русских ученых-геологов по организации в стране первого геологического учреждения. Обратимся к предыстории его создания — к точному пути тех, кто, не жалея ни сил, ни времени, ни энергии, упорно шел к намеченной цели, а среди ведущих был В. Г. Ерофеев.

В 1863 г. академик Г. П. Гельмерсен опубликовал статью «Современное состояние геологии в России»¹, в которой указал на целесообразность перевода всех геологических исследований в стране под контроль государства, иными словами, на необходимость организации в России геологической службы наподобие английской Geological Survey. В 1866 г. по инициативе секретаря Петербургского минералогического общества П. Л. Пузыревского,

¹ Горный журнал, 1863, ч. II, с. 533—566.

поддержанной специально выбранной для этого комиссией, Общество приступило к систематическому геологическому картированию Европейской России, на что из средств Государственного казначейства ему стали отчислять ежегодную дотацию в 3000 руб. серебром. К этой работе были привлечены крупные геологи того времени: Н. А. Головкинский, А. А. Иностранцев, Ф. Б. Шмидт и др. В 1868 г. профессор Г. Д. Романовский, работавший в то время на Урале, подает в Горный департамент докладную записку, где предлагает учредить при Горном управлении постоянные, штатные, должности геологов, предназначение которых — «систематическое исследование России исключительно в отношении полезных ископаемых»¹. Против такого определения задач «государственных геологов» резко возражал Г. П. Гельмерсен, считавший, что основой поисков новых месторождений должна служить геологическая карта, на составлении которой и надо сосредоточить все усилия. С его точки зрения, составление подробных, верных геологических карт, разрезов и описаний, объясняющих геологическое строение страны и могущих вместе с тем служить «верными указателями для горной промышленности»², и должно стать ведущей стратегией геологов, находящихся на государственной геологической службе, которую, как полагал Г. П. Гельмерсен, следует «сосредоточить в одном общем центре», а исследования производить по «общему, предварительно составленному плану».

23 мая 1869 г. «записка» Г. Д. Романовского обсуждалась в Горном учебном комитете, членом которого был и В. Г. Ерофеев. Тогда же постановили утвердить при Главном горном управлении 7 должностей горных инженеров, а специального Геологического учреждения не создавать. Под этим документом стоит и подпись В. Г. Ерофеева. В первой половине февраля 1870 г. на имя министра финансов М. Х. Рейтерна поступает докладная записка от герцога Н. М. Лейхтенбергского, носящая унте значительно более конкретный характер³. Через несколько лет профессор Горного института В. М. Мёллер признается: «... первый проект, мною составленный, был представлен Его Императорским Высочеством, герцогом Николаем Максимилиановичем, бывшему министру финансов М. Х. Рейтерну...»⁴. Эта любопытная подробность и то, что данная записка была полностью поддержана академиком Г. П. Гельмерсеном, придает документу особый интерес. В нем впервые вопрос об организации государственного геологического учреждения обсуждался обстоятельно и конструктивно. В частности, в «записке Лейхтеибергского» было предложено разделить должности штатных горных инженеров и штатных

¹ ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 399, л. 3.

² Там же, л. 33 об.

³ Эту «записку Лейхтенбергского» И. Л. Клепов в своей монографии «Геологический комитет» [М., 1964] обильно цитирует как записку В. Г. Ерофеева, «наиболее полно и подробно разбирающую современное состояние и перспективы развития геологических исследований в России» (с. 19). Эта грубая ошибка допущена потому, что автор видел копию «Записки» Н. М. Лейхтенбергского, испещренную пометами В. Г. Ерофеева.

⁴ Письмо директору Горного департамента Ф. И. Раселли от 21 ян-варя 1880 г. (ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 1S59, л. 60 об.).

геологов, образовав. для последних специальное учреждение при Горном институте. Цель же занятий государственных геологов — «возможно подробное исследование Российской империи в геологическом отношении по плану, предварительно выработанному Советом учреждения и утверждённому министром финансов...». Помимо этого предусматривалось «составление общей геологической карты России в предварительно определенном масштабе»¹. Министр финансов 6 апреля 1871 г. приказывает создать специальную комиссию для обсуждения этих предложений, в которую, в частности, включил и В. Г. Ерофеева. К концу 1873 г. Василий Гаврилович составляет свой вариант «проекта устава и штата Геологического комитета при Горном институте» (курсив мой, —С. Р.). 13 декабря того же года он, назначенный к этому времени секретарем комиссии вместо готовившегося к отъезду за границу Н. П. Барбота де Марни, передает директору Горного департамента В. К. Рашету все бумаги, «относящиеся до образования Геологического учреждения в России», среди которых находился и этот, к сожалению незаконченный, проект². Необходимо отметить, что именно в проекте В. Г. Ерофеева впервые появляется принятое впоследствии название для этого учреждения — Геологический комитет. Вот основные положения его проекта.

«§ 1. Для систематического исследования России в геологическом отношении и составления подробной геологической карты ее при Горном институте состоит особый Геологический комитет. ..

§ 3. Непосредственное управление Комитетом принадлежит директору Горного института при содействии Конференции Комитета»³.

В этом, хотя и раннем, варианте проекта геологического учреждения точно определена цель его создания, которая впоследствии окажется закрепленной во всех последующих проектах, а при окончательном утверждении «Положения о Геологическом комитете» подвергнется лишь редакционным правкам. Что же касается организации Комитета именно при Горном институте, то это объясняется тем, что геологи, не надеясь на щедроты правительства, почли за благо возможность существования его хотя бы в качестве придатка Горного института. То же предлагал П. М. Лейхтенбергский, разделял и В. Г. Ерофеев.

Чем же Василий Гаврилович предлагал занять геологов Комитета?

«§ 5. Геологический комитет имеет предметом своих занятий:

- 1) подробное исследование геологического строения России;
- 2) составление общей геологической карты России в предварительно определенном масштабе;
- 3) составление детальных планов и разрезов для местностей России, представляющих особый геологический интерес;
- 4) соби́рание образцов горных пород, окаменелостей, ископаемых углей и прочих полезных ископаемых;

¹ ЦГИА, ф. 58, оп. 2, д. 1, д. 21.

² Там же, л. 10.

³ Там же, л. 141.

5) обнародование различного рода геологических карт и прочих трудов Комитета;

6) ознакомление частных лиц с геологическим строением отдельных местностей;

7) составление и опубликование отчетов»¹.

Штат Геологического комитета В. Г. Ерофеев проектировал следующим: председатель («из-за должности», т. е. по совместительству), помощник председателя, два старших и три младших геолога, палеонтолог, химик и секретарь. Смета на их «содержание» составила 20 500 рублей в год. Немаловажный факт — в этом проекте также впервые предусмотрена полная гласность деятельности Комитета, что было поддержано всеми последующими проектами других авторов.

К середине 1874 г. готов черновой вариант устава Геологического учреждения, разработанный комиссией под председательством Г. П. Гельмерсена, и в нем сохранены многие положения, закрепленные в проекте В. Г. Ерофеева. 6 марта 1874 г. Г. П. Гельмерсен и Н. П. Барбот де Марни, незадолго до этого вернувшийся из заграничной командировки, пишут докладную записку в Горный департамент с первыми итогами работы комиссии². Авторы докладной полностью одобряют главные пункты проекта В. Г. Ерофеева. По их мнению, намерение поместить Геологическое учреждение прямо в здании Горного института, но с правом самостоятельной и административно независимой единицы, разумно обоснованно: там уже давно функционирует первоклассный музей, есть прекрасная горно-геологическая библиотека и необходимые для геологических исследований лаборатории, а также сильный коллектив геологов, который составит костяк будущего Геологического учреждения.

Горный департамент на эту докладную не прореагировал. Ученые, однако, не сдавались. Весь ноябрь и декабрь 1875 г. и первые два месяца 1876 г. Г. П. Гельмерсен чуть ли не еженедельно собирает заседания комиссии, и к концу февраля 1876 г. проект устава Геологического учреждения был готов. В окончательном варианте он СИЛЬНО отличался от первоначального, предложенного В. Г. Ерофеевым, что дало повод последнему к собственной подписи под проектом присовокупить «при особом мнении».

К сожалению, приходится констатировать, что усилия геологов и на этот раз во многом оказались напрасными. Неоднократно преодолевающий бюрократические барьеры, которые с самых первых шагов ставились на его пути, этот проект страдал еще и собственным недугом — несогласованностью мнений членов комиссии по кардинальным его вопросам. Действительно, подписи под «Проектом» 10 марта 1876 г. выглядели так: Г. П. Гельмерсен, А. А. Иосса, Н. И. Кокшаров (при особом мнении), В. Г. Ерофеев (при особом мнении), П. В. Еремеев (при особом мнении), Н. П. Барбот де Марни, В. И. Мёллер и А. П. Карпинский (секретарь, но не член комиссии). Все это, разу-

¹ Там же, л. 142.

² ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 399, л. 219.

меется, не способствовало утверждению проекта и проведению его в жизнь.

«Общие положения» 22 нового проекта практически не претерпели изменений по сравнению с первыми его вариантами, с той лишь — весьма существенной, правда, — разницей, что теперь Геологическое учреждение предполагалось создать не при Горном институте, а как независимое, подчиненное непосредственно Министру государственных имуществ. Что же касается первого параграфа проекта, то в старом варианте (В. Г. Ерофеева) он был сформулирован более четко и определенно. «Предметы занятий» Геологического учреждения практически повторяли соответствующий параграф проекта В. Г. Ерофеева. Директор учреждения (по проекту) «назначается Высочайшим приказом по представлению Министра государственных имуществ, из лиц, специально занимающихся геологическими науками»¹. Штат намечался довольно большой: директор, 6 старших геологов, 6 младших геологов, 2 консерватора и делопроизводитель. Общая сумма расходов должна была составить 68050 рублей в год.

Оценивая в целом труды комиссии, можно сказать, что составленный ею еще в начале 1876 г. проект в главных своих чертах оказался весьма удачным. Его основные положения закрепились и в окончательном «Положении о Геологическом комитете». Поэтому можно лишь сожалеть по поводу того, что председатель комиссии Г. П. Гельмерсен не приложил дополнительных усилий по увязке «проекта» с «особыми мнениями» некоторых членов комиссии, а поспешил препроводить министру объемистую папку с «проектом» вместе с приложенными к нему «особыми мнениями» по его существу и с «заклечениями» по поводу помещения для Геологического учреждения. В министерстве не стали утруждать себя постижением сути проекта, а увидев полную несогласованность внутри комиссии, резонно решили, что тот не доработан.

Против чего возражал, в частности, Василий Гаврилович Ерофеев?

В своем «особом мнении», поданном в комиссию 15 марта 1876 г., он указал, что главный недостаток проекта — отрыв от нужд практической геологии, т. е. от задач разведки месторождений полезных ископаемых. Но в отличие от П. В. Еремеева он не занял крайней позиции, отрицая вообще геологическую съемку как предмет занятий геологов этого учреждения, а лишь выразил желание, чтобы в нем были еще предусмотрены кадры не просто геологов, но горных инженеров. «Я 'полагал бы необходимым, — писал В. Г. Ерофеев, — чтобы Учреждение это, имея главной задачей своей деятельности подробное исследование геологического строения России и составление подробной геологической карты ее, приносило бы, вместе с тем, непосредственную пользу практическим целям Горного ведомства не только чисто научными геологическими исследованиями, но и производством детальных разведок месторождений полезных ископаемых, поэтому в состав Учреждения должны быть включены, кроме геологов, исключительно занятия кото-

¹ Там же, л. 324. 23 Там же, л. 325 об.

рых будут состоять в научных исследованиях, еще несколько геологов из горных инженеров... На обязанности последних должна лежать и разведка месторождений полезных ископаемых»¹.

Допустим, что это предложение В. Г. Ерофеева было принято. Тогда, казалось бы, он должен был ратовать за увеличение штата сотрудников или, по крайней мере, за сохранение того, что уже предусмотрено «проектом». Но нет, он настаивает на сокращении штата наполовину, а из оставшегося еще и предлагает выделить 3—4 места для горных инженеров-разведчиков. «Я полагал бы, — пишет Василий Гаврилович, — Учреждение это образовать в несколько меньших размерах, нежели предполагается проектом, назначив, например, на первое время только 8 штатных геологов, под руководством главного геолога, из числа их на обязанности 4 или по меньшей мере 3 геологов, кроме геологических исследований, должно лежать и производство детальных разведок рудных и вообще месторождений полезных ископаемых»².

Как же это увязать с главной задачей — «подробное исследование геологического строения России»? Неужели В. Г. Ерофеев предполагал реализовать ее силами 4 геологов? И почему он ратовал за сокращение штата вдвое, т. е. предлагал оставить всего 8 сотрудников? С сожалением приходится признать его аргументацию неубедительной. Вот доводы Василия Гавриловича: он убежден, что «по прошествии 4—5 лет правительство, видя полезные результаты деятельности этого Учреждения, не затруднится расширить ее предоставлением необходимых для того материальных средств». Кроме того, он полагает, что хотя и «найдется немало лиц, нежелающих работать в этом Учреждении, но в настоящее время нелегко найти и 8 человек, которые по своим познаниям и опытности могли бы достойно занять эти должности, если не считать в числе кандидатов на замещение их лиц, несущих на себе профессорские обязанности».²⁶ Он против того, чтобы профессора заняли штатные места в этом Учреждении или работали бы в нем «из-за должности».

Время, как мы знаем, опровергло эти доводы В. Г. Ерофеева. Действительно, прошло не 4—5, а 15 лет, прежде чем правительство увеличило штат Геологического комитета с 8 до 22 человек, и то не столько от того, что оно впечатлилось «полезными результатами» его деятельности, а благодаря настойчивым с первых же лет существования ходатайствам об увеличении штата Комитета. Нельзя забывать и того, что штат расширили в 1897 г., когда в Петербурге работала VII сессия Международного геологического конгресса, и перед лицом представителей западноевропейских геологических служб русское правительство не хотело «ударить в грязь лицом».

Не оправдались опасения В. Г. Ерофеева и в отношении работы профессоров Горного института в Геологическом учреждении. Начнем с того, что он сам с 1882 по 1884 г. (по день своей смерти) совмещал обязанности директора Горного института с должностью директора Геологического комитета. На этом посту в Комитете его сменил А. П. Карпинский, который также был

¹ Там же, л. 317 об.

² Там же, л. 319.

профессором Горного института, а его, в свою очередь, Ф. Н. Чернышев— также профессор родного ему института. Мы уже не говорим о профессорах Горного института И. В. Мушкетове, Л. И. Лутугине, К. И. Богдановиче, А. А. Борисяке и др. Все они с успехом работали в Комитете, и это никак не сказывалось па их педагогической деятельности. Более того, можно утверждать, что такое совместительство только улучшало качество преподавания геологических дисциплин, ибо профессора не отрывались от быстро меняющихся геологических представлений, а сами творили эти «представления», участвуя в живой геологической работе. Но в одном Василий Гаврилович был прав. Он советовал «Геологическое учреждение подчинить ближайшему ведению Горного департамента или присоединить его в виде особого отдела к Горному ученому комитету. Это устранило бы, по крайней мере на первое время, заботу о помещении вновь основываемого Учреждения. Горный институт, без сомнения, не затруднился бы в этом случае предоставить необходимое помещение для разработки и хранения собираемых геологами Учреждения материалов и для чертежной. Помещение же в зданиях Горного института Геологического учреждения в том виде, в каком оно проектировано представляемым Уставом, необходимо поведет ко многим неудобствам и затруднениям в административном и хозяйственном отношениях, которые неминуемо будут проистекать от совмещения независимых друг от друга администраций»¹. В этом вопросе В. Г. Ерофеева поддержал директор Горного института, академик Н. И. Кокшаров.

Итак, необходимо признать, что «особые мнения» трех членов комиссии хотя и содержали положительные начала, тем не менее в целом сыграли отрицательную роль, продемонстрировав отсутствие единства взглядов внутри ее по столь кардинальным вопросам. Привело же это к тому, что предложенный комиссией в целом довольно удачный проект не (получил хода в вышестоящих инстанциях, и организация первого Геологического учреждения, а вместе с ним и государственной геологической службы, оттянулась еще на несколько лет.

Мы не будем излагать все последующие этапы борьбы русских геологов за организацию Геологического учреждения, ибо это не входит в тему данного очерка. Отметим лишь, что исход дела был решен участием России (в лице В. И. Мёллера) в ряде Международных комиссий по геологической картографии. В. И. Мёллер ко II Международному геологическому конгрессу 1881 г. (Болонья) должен был подготовить конкретный вариант участия России в этих международных предприятиях. И он убеждает Горный департамент вернуться к этому, «по-настоящему несчастному» вопросу создания геологической службы страны, а 21 января 1880 г. представляет свои варианты (два) ее организации, по которым расходы не должны были превысить 30000 рублей в год. Это предложение В. И. Мёллера было соединено с немного модифицированным проектом 1876 г., и наконец был найден тот вариант, который

¹ Там же.

удовлетворил и Горный департамент и Министерство финансов. По этому проекту Геологическое учреждение именовалось Геологическим институтом, цель и задачи деятельности которого не претерпели изменений. Было учтено предложение В. Г. Ерофеева по численности института. Штат его составил всего 8 человек. Однако директора института почему-то решили избирать, а не назначать, как было в старом варианте проекта.

3 декабря 1880 г. Василий Гаврилович представляет свое отдельное мнение по этому вопросу. В своей записке он совершенно справедливо заключил, что «применение выборного начала к директору» не годится по следующей причине: «Геологический институт не есть ученое общество, преследующее исключительно одни чисто научные цели. По характеру своей деятельности институт представляет учреждение учено-административное, ответственное прежде всего перед правительством, от которого получает все средства к своему существованию. Поэтому выборное начало, основанное только на научном цензе, вполне приложимо к определению штатных геологов, не несущих никаких административных обязанностей, но оно неудобно применимо к определению директора, на которого проектом возлагаются обязанности учено-административные»¹. Эта поправка В. Г. Ерофеева, как мы знаем, была в дальнейшем принята.

16 октября 1881 г. «Записку» с проектом Русского геологического института препровождают Государственному секретарю для внесения ее в Государственный Совет. 7 ноября проект обсуждался в Государственном Совете, который на этом этапе принял окончательную редакцию: «Геологический институт» переименовали: в «Геологический комитет» (не так ли предлагал В. Г. Ерофеев еще в 1873 г.?), «Совет института» назвали «Присутствием», резко ограничив его права, и т. д.

19 января 1882 г. Александр III утвердил «Положение о Геологическом комитете». Этот день считается днем рождения государственной геологической службы. В. Г. Ерофеев, как мы убедились, отдал много сил на всех этапах почти 15-летней борьбы геологов «с чиновничпо-бюрократической машиной царской России. Во многом благодаря его дальновидности и принципиальности проект принял тот вид, которым руководствовался Геологический комитет в первое десятилетие своего существования. Мало сказать, что В. Г. Ерофеев стоял у истоков государственной геологической службы, мало сказать, что он почти с самого основания возглавил Геологический комитет. Он был одним из тех немногих его «крестных отцов», настойчивости которых Комитет обязан самим фактом своего рождения.

Неважно, что Василий Гаврилович не был в самом первом составе геологов Комитета. С августа 1881 г. он — директор Горного института. Но он же и член Присутствия Геологического комитета и принимает с первых же дней его существования самое активное участие в обсуждении всех многочисленных вопросов, требовавших безотлагательного решения.

¹ ЦГИА, ф. 37, отг. ИЗ, д. 1859, л. 90 и 99 об.

8 февраля 1882 г. первым директором Комитета назначается 80-летний академик Г. П. Гельмерсен — идейный вождь и вдохновитель его организации. Но работать в этой должности он уже не может — возраст. 1 ноября 1882 г. Григорий Петрович сообщает членам Присутствия, что с 25 октября он «согласно прошению» уволен от должности директора Геологического комитета. Тут же он заявил, что его преемником назначен «тайный советник Ерофеев с оставлением его как в должности директора Горного института, так и члена Горного ученого комитета»¹. 31 декабря 1882 г. В. Г. Ерофеев сообщает в рапорте Горному департаменту, что он принял дела от Г. П. Гельмерсена.

Сохранился любопытный документ — первая «сдаточная ведомость» Геологического комитета, согласно которой на конец 1882 г. тот располагал следующим имуществом: 2 английских барометра с термометрами, 4 горных компаса, 4 геологических молотка и 4 лупы. Вот и весь инвентарь, с которым первые «государственные геологи» готовились к своему первому полевому сезону².

Итак, наступил последний этап жизненной одиссеи В. Г. Ерофеева. Ему выпала честь и одновременно большая ответственность — направить усилия малочисленной группы геологов на выполнение главной задачи — составление геологической карты Европейской России. Через два года А. П. Карпинский (1884, с. 31) подчеркнет, что «выработка общего плана работ на все время будущего существования Комитета будет связана с именем Василия Гавриловича». Попытаемся проиллюстрировать это высказывание.

Прежде чем приступить к геологической съемке, семь штатных сотрудников Геолкома (А. П. Карпинский, С. П. Никитин, И. В. Мушкетов, Ф. Н. Чернышев, А. А. Краснопольский, А. О. Михальский и В. А. Домгер) должны были разработать научные основы геологической картографии, составить «Инструкцию» по ведению геологосъемочных работ, а также определить степень изученности территории и очередность съемки листов будущей геологической карты. В этой работе В. Г. Ерофеев участия не принимал. Весь подготовительный комплекс работ выполнил С. Н. Никитин при участии А. П. Карпинского. Не участвовал В. Г. Ерофеев и в полевых работах. И все же именно с его именем А. П. Карпинский связал «выработку общего плана работ» Комитета. Почему?

Ответить на этот вопрос можно, только приняв во внимание чрезвычайные условия, в которые волею царского правительства был поставлен первый состав геологов Комитета: не имея собственного помещения, располагая минимальными кадрами, он должен был в короткий срок покрыть геологической съемкой Европейскую Россию, по площади превосходящую почти всю остальную Европу. А если учесть плохую геологическую изученность страны и те международные обязательства, которые Россия взяла на себя после II сессии Международного геологического конгресса, в Болонье, то станет яс-

¹ ЦГИА, ф. 58, оп. 1, д. 1/л. 16.

² ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 2291, л. 16.

но, каких титанических усилий потребовало выполнение этой задачи. И хотя первый состав Комитета — это крупные, талантливые геологи, разносторонне геологически образованные, иными словами, творческие индивидуальности в самом высоком понимании, но и их нужно было сплотить в дружный, слаженно работающий коллектив, а для этого мало обладать организаторскими способностями, нужно быть и тонким психологом, чтобы без нажима и: излишней нервозности руководить им.

На посту директора Комитета В. Г. Ерофеев блестяще справился со своей задачей. Предоставим слово С. Н. Никитину, который отвечает на вопрос — что такое руководитель Геологического комитета?

«Этот руководитель, — пишет Сергей Николаевич, — должен проникнуться идеей быть первым между равными и постоянно иметь в виду, что свобода научных исследований, авторское право и самолюбие могут быть стеснены только необходимостью соблюдения общего плана в общей работе, но никак не личными взглядами, мнениями, желаниями и стремлениями. Спрашивается, достаточно ли благоприятно был в этом отношении поставлен русский Геологический комитет? Если средства, ассигнованные в начале правительством на это дело и не могут быть названы особенно щедрыми по отношению к средствам иностранных учреждений этого рода и к пространству, занимаемому Россией, если Геологический комитет, как это видно из представленного отчета (за первое трехлетие деятельности, — С. Р.), нередко принужден был отказываться от исследований, признанных своевременными и необходимыми, то благодаря уже на первых порах значительным сторонним... пособиям Комитету удавалось выходить из затруднительных положений. По отношению к составу русского геологического учреждения следует отметить, что Комитету посчастливилось на первых, самых трудных порах выработки общего плана деятельности иметь во главе своей, в лице директора В. Г. Ерофеева, человека преданного с любовью делу Комитета и его задачам» (Никитин, 1885, с. 430—431).

«Не видная и не бросающаяся в глаза для постороннего деятельность. .. <В. Г. Ерофеева> в Комитете высоко ценилась и не могла не цениться каждым из нас, участников этой деятельности, — писал С. Н. Никитин. — ... Его доброте и беспристрастию, душевному отношению как к самому делу, так и к каждому из нас, его участников без различия старшего и младшего, его много раз проявлявшемуся подчинению своего личного „я“ коллегиальному мнению большинства и подчас вескому взгляду, высказанному самым младшим из членов коллегии, — этим качествам, которые. .. <Василий Гаврилович> умел соединять с духом строгой законности, Комитет обязан тем, что общий план его деятельности не носит па себе следов мысли и воли одного лица, всегда обнаруживающихся некоторою односторонностью, духом формализма и ординарностью. Считая себя первым между равными во всех делах Комитета, Василий Гаврилович никогда не позволял приписывать себе результаты деятельности Комитета и всегда, во всех случаях, выставлял на первом плане то лицо, которому Комитет был обязан данным успехом. В то же время по-

стоянная забота о согласовании свободы личного удобства деятельности отдельных членов Комитета с духом данного Устава и выработанных Комитетом общего плана и инструкций доходила у... <В. Г. Ерофеева> до мелочей, заставлявших его зачастую откладывать решение дела на более или менее далекие сроки, а нас, его более пылких сослуживцев, жаловаться па слишком медленный ход того или другого дела» (Никитин, 1885, с. 426—427).

Эти блестяще и тонко подмеченные С. Н. Никитиным человеческие и деловые свойства натуры В. Г. Ерофеева и явились той основой, которая дала возможность сплотить семь индивидуальностей в единый коллектив и неспешно, но твердо повести его к выполнению намеченного плана работ.

Подводя итог сказанному, конкретизируем, чем именно обязан Геологический комитет В. Г. Ерофееву.

Во-первых, именно при Василии Гавриловиче был заложен прочный фундамент коллегиальности руководства научными основами всех работ Комитета. Было взято обязательное правило обсуждения плана работ, и даже распределение ничтожных финансовых ресурсов решалось сообща. Коллективно утверждались важнейшие документы, закрепляющие научное обоснование геологосъемочных работ: «Инструкция», составленная С. Н. Никитиным, и «Дополнение к Инструкции», написанное А. П. Карпинским.

Во-вторых, при В. Г. Ерофееве был принят своеобразный «моральный кодекс» геологов Комитета, согласно которому все внеплановые исследования и все консультации и справки, которые Комитет в огромном количестве давал государственным учреждениям и частным лицам, должны были быть безвозмездными. Эта прекрасная традиция свято соблюдалась все последующие годы, а когда с приходом в Геологический комитет молодого пополнения стала изредка нарушаться, то такие факты вызывали резкое осуждение со стороны геологов «старой гвардии».

В-третьих, благодаря дальновидности В. Г. Ерофеева в Уставе Геологического комитета была предусмотрена гласность всех сторон его деятельности, что дало возможность без особых усилий организовать выпуск периодических изданий Комитета: «Известий», в которых публиковались протоколы заседаний Присутствия и мелкие заметки научного характера, и «Трудов», в которых увидели свет все крупнейшие монографические исследования геологов.

Согласно «Положению о Геологическом комитете» директор должен был представлять на суд общественности ежегодный отчет о работе Комитета. Впервые такой отчет появился, однако, только в 1885 г. и подготовлен был А. П. Карпинским уже после смерти В. Г. Ерофеева, скончавшегося 17 декабря 1884 г. Почему же Василий Гаврилович нарушил этот пункт Устава Геологического комитета? С. Н. Никитин так отвечает на этот вопрос: «Не желая ограничиваться одними фразами, Василий Гаврилович уже два года отклонял представление отчета по деятельности Комитета, ожидая того времени, когда эта деятельность сама может говорить одними фактами» (1885, с. 427). Таким был В. Г. Ерофеев — скромный труженик науки и одновременно

энергичный и целеустремленный руководитель первых геологов первого геологического учреждения страны.

ЛИТЕРАТУРА О В. Г. ЕРОФЕЕВЕ

А. Д. Василий Гаврилович Ерофеев. (Некролог). — Горный журнал, 1885, т. 1, с. 160-163.

Василий Гаврилович Ерофеев. (Некролог). — Южно-русский горный листок, 1885, № 109, с. 1345—1346.

<А. П. Карпинский>. Василий Гаврилович Ерофеев. (Некролог). — Изв. Геол. ком., 1884, т. III, № 8, с. 71—74.

Никитин С. Н. Василий Гаврилович Ерофеев (1822—1884). — Горный журнал, 1885, т. 1, с. 285—289.

Никитин С- Н. Задачи и деятельность геологических учреждений.— Горный журнал, 1885, т. 1, с. 425—440.